

ВИКТОРИЯ

ОЛЬГА ПУСТОШИНСКАЯ

16+

Ольга Пустошинская

Виктория

«Автор»

2019

Пустошинская О.

Виктория / О. Пустошинская — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08044-7

Не думала Виктория, что её поездка к матери обернётся таким приключением, вынести которое под силу не каждому. Ехать в Самару две тысячи семнадцатого года, а приехать в Куйбышев — запасную столицу — сорок первого. Ей предстоит выживать в тяжёлое военное время. Сначала Виктория будет корить судьбу за такую жестокость, а потом поймёт, что в жизни случайностей не бывает.

ISBN 978-5-532-08044-7

© Пустошинская О., 2019

© Автор, 2019

Содержание

В поезде	5
Куйбышев	12
Крестик	18
7 ноября	22
Мадонна	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Пустошинская

Виктория

В поезде

Тошнота усиливалась от мерного покачивания поезда, подступала к самому горлу. Было зябко, болела голова, мысли путались и сбивались. Не получалось вспомнить что-то очень важное, важное и пугающее.

Вика лежала на боку, скорчившись от озноба, укрытая тонким и колючим одеялом.

– Не из нашего вагона вроде... контузило? – откашлявшись, спросил чей-то мужской басок.

– Да, кажется... – неуверенно ответил кто-то.

Сквозь дрему слышался детский плач, кашель, чей-то храп и обрывки чужого разговора:

– Листовки скинули... а в них написано, дескать, Москва не столица, Урал не граница...

– Бегут, давка везде, магазины закрыли...

– Завод заминировали... Мы же не слепые, всё видим.

– Говорят, что и сам из Москвы сбежал, бросил нас.

– Отставить разговорчики! Провокатор, шкура! – Голос задышался от бешенства.

«Это бред... Кажется, я заболела», – подумала Вика и снова провалилась в дремоту.

Очнулась она от холода. Дрожа всем телом, натянула одеяло до подбородка. Как сильно грохочет и лязгает вагон! Окна, что ли, нараспашку? Вика открыла глаза, преодолевая тошноту, и огляделась.

Очень старый плацкартный вагон был битком набит пассажирами и вещами. В проходе стояли не поместившиеся под полками потёртые фанерные чемоданы с металлическими уголками и замочками, большие узлы и корзины. Пассажиры сновали туда-сюда, спотыкались о чужие ноги и вещи. На верхних полках кто-то спал, укрывшись тонким шерстяным одеялом.

Напротив сидели две женщины и девочка-подросток в берете и чёрном пальто, из ворота которого виднелся кончик красного пионерского галстука. Галстук не был завязан узлом, а скреплён серебристым зажимом с красными язычками пламени.

– Очнулись? – мягко спросила одна из женщин в сером старомодном пальто. Её тёмные волосы были уложены вокруг головы венчиком. – Вам лучше?

– Не знаю, – с трудом ответила Вика, разлепив сухие губы, – тошнит.

– Ничего, пройдёт. Да вы лежите, лежите...

Она всё же села, оперевшись спиной о стенку и натянув на себя одеяло. В изголовье обнаружился её рюкзак с разными мелочами и курточкой. Где-то на дне рюкзака должен быть пакетик фруктовой карамели. Вика расстегнула замок, достала конфету – попалась лимонная – развернула фантик и отправила леденец в рот. Кисло-сладкий приятный вкус немного унял тошноту.

Мальчик с зелёным грузовиком, одетый в нелепую курточку и кепку, забыл про свою игрушку и не сводил с Вики тёмных выразительных глаз.

Та поняла:

– Как тебя зовут?

– Серёжа.

Вика протянула две конфеты:

– Держи, Серёжа!

Тот вопросительно посмотрел на женщину в пальто, она улыбнулась и кивнула: можно.

– Спасибо!

Одну конфету он спрятал в карман, вторую стал катать во рту с видимым удовольствием, болтая ногами. Фантик разгладил на коленке, сложил вдвое и тоже убрал в карман.

– Я собираю фантики от конфет, у меня их уже много, – похвалился Серёжа. – Только альбом дома остался, мама с собой не разрешила взять, говорит, что тяжёлый.

Тошнота отпустила, головная боль как будто притупилась. Но что это за вагон, похожий на музейный экспонат? Как же она здесь оказалась? Надо вспомнить...

Отпуск Вике дали в мае, а не в августе, как она хотела.

– Понимаете, Виктория Александровна, я не могу сразу двух врачей отпустить в августе, – вежливо и будто виновато объяснила заведующая отделением, – если не май, то, может быть, ноябрь вас устроит?

Нет, ноябрь не устроит, лучше май. Можно поехать к матери в Самару, погостить месяц. Давно ведь собиралась, да всё как-то не складывалось. Самара была Викиным родным городом, там она родилась, ходила в детский сад и школу, в спортивную секцию на плавание. Оттуда уехала учиться в университет Сеченова в Москве, там осталась лучшая подруга Наташа.

Мама, конечно, обрадовалась:

– Виктория, наконец-то ты мне поможешь посадить картошку! (Она не мыслила жизни без дачи, своих помидорчиков и картошечки).

– Помогу-помогу... Мам, что тебе привезти из Москвы?

– Доча, дефицита в Самаре давно нет, слава богу! Ничего не надо, сама приезжай.

Незадолго до отъезда в Москве резко похолодало, и Вика с ворчанием достала из шкафа убранные на хранение ботинки и утеплённую курточку защитного цвета со множеством погончиков и кармашков.

Билет был куплен на седьмое мая. Поезд отправлялся утром с Казанского вокзала; четырнадцать часов пути – и Вика в Самаре. Продукты с собой можно не брать, только фруктов немного и печенья. Позавтракает в вагоне-ресторане – шиканёт.

...Утром Виктория едва не проспала, и всё из-за дурной привычки выключать будильник и ещё чуть-чуть полежать. Через сорок минут она в темпе одевалась, путаясь в штанинах и причёсываясь на ходу.

Времени на нормальный завтрак не оставалось. Вика торопливо допивала чашку кофе, когда позвонили из службы такси: машина стоит у подъезда.

– Выхожу, выхожу!

Она подхватила вещи, закрыла дверь на все замки и вызвала лифт.

Вика затащила в вагон тяжёлый чемодан на колёсиках и пошла по узкому коридору, разыскивая свой номер. К её удивлению, в купе других пассажиров не было.

«Это ненадолго, – подумалось с сожалением, – рано или поздно обязательно кто-нибудь подсядет».

Вика решила переодеться, пока никто не мешал. Достала из чемодана белую толстовку с британским флагом на груди и синие джинсы.

Заглянула проводница:

– Постель брать будете?

– Нет, спать я уже дома буду, – улыбнулась Вика.

При этих словах она почувствовала какую-то смутную тревогу, дурное предчувствие – так иногда бывало, но не стала заикливаться и давать волю фантазии.

Поймав своё отражение в зеркале, Вика вспомнила, что в суматохе не успела накраситься. Достала из рюкзака косметичку, нанесла тушь на ресницы, мазнула губы розовой помадой, стянула резинкой в хвост светлые волосы до плеч. Черты лица у Виктории правильные, глаза голубые, чуть насмешливые. Фигура хорошая безо всяких диет. Красавица? А почему бы и нет?

Многие из её окружения не понимали, почему такая умная и эффектная девушка до сих пор не замужем: ну где глаза у этих мужчин?! А Вика улыбалась и цитировала Хайяма:

*Я думаю, что лучше одиноким быть,
Чем жар души «кому-нибудь» дарить.
Бесценный дар отдав кому попало,
Родного встретив, не сумеешь полюбить.*

Поезд тронулся, набрал ход, оставив позади шумный Казанский вокзал. Вике давно хотелось есть: чашка кофе только разожгла аппетит. Проверила кошелек с деньгами и картой – он был на месте, положила в кармашек телефон и взялась за дверную ручку. Потом внезапно (к счастью, как оказалось) подумала, что ходить через вагоны в одной толстовке будет холодно, и сунула в рюкзак куртку.

А что же было потом?..

Вика шла через холодные тамбуры, через грохот и лягз буферной зоны, разыскивая ресторан. Чужие вагоны с заспанными пассажирами, очереди в туалет, двери, двери, двери...

Навстречу попалась хмурая проводница с подносом пустых стаканов.

– Простите, – остановила её Вика, – а где рес...

Вопрос прервал свист и шипение, поезд стал резко тормозить. Проводница вскрикнула, поднос полетел в сторону, раздался звон разбитой посуды, женский визг и крики из открытой двери купе.

Вику с силой отбросило на дверь тамбура. Боль оглушила, было трудно дышать, и показалось, что воздух стал плотным, светящимся, фосфоресцирующим. Теряя сознание, Вика услышала грохот и бухающие взрывы. И чужой, едва слышимый разговор.

– Гражданских бомбят, сволочи!

– Женщину контузило, товарищ капитан. Что делать?

– Надо занести её в вагон. Медики в поезде есть?

– Позвать врача? – сочувственно спросила Серёжина мать.

Вика отказалась, заверив, что чувствует себя лучше. У неё сотрясение мозга, судя по симптомам, надо в больницу и постельный режим, но это уже потом, дома...

Что же всё-таки случилось?

– Поезд стали бомбить, – буднично мама Серёжи, – бомба рядом разорвалась, окна вылетели. Скомандовали выходить из вагонов, мы выскочили... Вас контузило, без сознания долго лежали. Слава богу, все живы.

– Никакого бога нет, это просто так говорят, – встрял Серёжа.

Вика ужаснулась:

– О чём вы? Как это – «стали бомбить», кто?!

На неё посмотрели с жалостью.

– Немцы, кто же ещё.

Пассажиры стали с интересом прислушиваться к разговору.

– Какие немцы? Почему?

- У вас потеря памяти, – грустно объяснила мама Серёжи. – Война началась, вы помните?
- Нет, конечно, нет! – У Вики задрожали руки. – Когда это случилось?
- Двадцать второго июня.
- А-а-а... Я поняла, – улыбнулась она. Как же сразу не догадалась? День Победы же скоро! – Ролевики? Но как всё реалистично: и вагон тех лет, и обстановка, и одежда... Супер!
- Я всё же позову врача, – поднялась соседка.
- Не надо врача, я сама врач.

По вагону прошёл гомон и оживление, какая-то невысокая женщина направилась к выходу с алюминиевым чайником в руках. Поезд стал замедлять ход, зашипел и остановился. Вика прильнула к окну.

Это была маленькая станция со старинным кирпичным зданием вокзала, с небольшими окнами в резных наличниках на фасаде. И толпы людей... вся платформа забита людьми: женщинами, детьми, стариками... Кто сидел прямо на земле, кто на чемоданах. В такой-то холод!

– Открывать не буду, если никто не выходит, – раздался зычный голос, – открой – так штурмом будут брать.

Снаружи послышались отчаянные крики, чьи-то невидимые руки заколотили по дверям вагона, будто в подтверждение слов проводника. В окно было видно, как люди, похватав узлы и корзины, толпой бежали к поезду.

Вике стало страшно.

– Что происходит?

Небритый старик в ватнике, притулившийся на боковой полке, отложил газету:

– Знамо что... Все уехать хотят подальше от войны, немец-то под Москвой. Вот ты куда, девушка, едешь?

– В Самару, – ответила потрясённая Вика.

– Это раньше говорили: Самара, а с тридцать пятого года – Куйбышев, – поучительно поправил старик.

Она потянулась за газетой:

– Можно?

– Да бери, не жалко...

Это была «Правда» с фотографией лётчиков в шлемах на первой странице.

– «Гитлеровская свора продолжает лезть на Москву. Остановить врага! Отразить натиск фашистских разбойников!» – тихо прочла Вика. – Какая старая газета... Откуда она у вас?

– Сегодняшняя, на станции купил. Куда новее-то? – обиделся старик.

Вика посмотрела на дату в левом верхнем углу: суббота, 25 октября, 1941 год.

– Это сорок первого года газета.

– А какого же тебе надо?

– Этого года надо. Вы намекаете, что сегодня октябрь сорок первого года?

– С утра так и было, – усмехнулся дед и вытер рукой нос в красных прожилках. – Здорово же тебя контузило, девушка!

– Вы меня все разыгрываете, – покачала головой Вика. – Серёжа, тебе сколько лет?

– Семь!

– Значит, ты родился...

– В тридцать четвёртом году.

– Нет, ты родился в две тысячи десятом, – поправила она.

Серёжка рассмеялся:

– Вы что, тётя, таких цифр не бывает!

– Всё правильно, Серёжка в тридцать четвёртом родился, – подтвердила его мать.

Вика откинула одеяло. Здесь творится что-то странное, надо найти свой вагон! Она начала протискиваться к выходу, наконец добралась до тамбура, полного табачного дыма: там курили двое мужчин.

Дверь в буферную зону оказалась запертой.

– Ты куда, там закрыто! – сердито посмотрел один из курящих, видимо, проводник.

– Мне надо выйти! – с отчаянием сказала Вика, дёргая дверную ручку.

– Надо так надо, сейчас открою, – неожиданно легко согласился проводник.

Достал из кармана ключ и отпер другую дверь, что вела наружу.

– Пять минут стоять будем, потом крикнешь – отопру. Меня Николаем зовут.

Вика спустилась с подножки и побежала вдоль состава, наталкиваясь на людей, навьюченных мешками и узлами. Второй, третий, четвёртый вагон... Вот и нужный – пятый.

Она остановилась, тяжело дыша. «Её» вагон ничем не отличался от вереницы своих тёмно-зелёных собратьев образца тысяча девятьсот сорокового года. Кирпичного цвета пока-тая крыша блестела от влаги, на ней торчали вентиляционные «грибки». Из окошек с деревянными рамами заинтересованно смотрели пассажиры. Это дурной сон, это не может быть правдой!

Поезд лязгнул, дёрнулся и подался назад. Это отрезвило Вику: остаться раздетой на вокзале было бы ужасно. Она побежала назад изо всех сил, замолотила кулачками по двери вагона. И испугалась, что ей не откроют, как тем отчаявшимся людям.

– Николай! Николай!

Но дверь с лязгом распахнулась, проводник подал Вике руку, помог подняться в вагон и сразу запер за ней.

– Набегалась? – спросил он. – Кипяток искала? А чего без кружки?

– Мне нужно в Москву...

– Все из Москвы, а ты в Москву? Подожди, война кончится – вернёшься.

– Вы не понимаете, мне надо назад!

– Где уж не понять... Эх, молодо-зелено! – вздохнул проводник.

Поезд зашипел и тронулся, набирая ход.

Из приоткрытой двери уборной шёл едкий запах мочи. Вика вошла и заперлась, привалилась спиной к стене, закрыв глаза. Голова кружилась, снова подступила тошнота. Запах нечистот усилил позывы, и Вику вырвало в металлическую грязную раковину.

Она долго умывалась ледяной водой, пока не заломило лицо и руки. Вздрагивая от озноба, сняла толстовку с британским флагом и надела её наизнанку: так не будет видно картинки, лишние расспросы сейчас ни к чему; расстегнула плоский фитнес-браслет и сунула в карман джинсов. Золотой крестик на витой цепочке – подарок матери – спрятала под майку.

В купе её ждали.

– Я уже начала волноваться, думала, что вы отстали, – с облегчением сказала мама Серёжи, и Вика опять подумала, что у соседки удивительно мягкий и добрый голос. И лицо красивое, с большими выразительными глазами, как у Татьяны Самойловой из фильма «Летят журавли».

– Мы так и не познакомились. Как вас зовут? – спросила Вика.

– Валентина.

– А я Вика. Виктория.

– Какое хорошее имя у вас... Виктория – значит победа. Победа нам сейчас нужна.

Вика чуть улыбнулась: детстве из-за имени её дразнили клубничкой.

Из рюкзака она вытащила утеплённую курточку с погончиками и кармашками на кнопках, натянула её поверх толстовки. Сразу стало теплее. Как хорошо, что начало мая выдалось холодным, как хорошо, что пришлось достать из шкафа колготки, ботинки и куртку! Краем глаза Вика заметила, как другие пассажиры пристально и детально рассматривают её одежду, лишь Серёжа искренне восхитился:

– Ух ты! Это военная куртка?

– Да, мне на военной подготовке выдали, – солгала Вика.

Она прихватила рюкзак и снова прошла в уборную, достала телефон. Его оставалось только выключить и спрятать в потайном кармане рюкзака вместе с паспортом, деньгами и банковской картой. Сейчас все эти вещи совершенно бесполезны и даже опасны: Вику легко могли принять за шпионку.

Ещё в рюкзаке обнаружилась коробочка амоксициллина, завалывшаяся с прошлого года. Совершенно по-новому Вика смотрела на маленькие капсулы – это же настоящее сокровище! Коробочка тоже отправилась в потайной карман. Дальнейшая ревизия рюкзака подарила зарядник от телефона, губную помаду, ключи от московской ипотечной квартиры, упаковку жевательной резинки, шариковую ручку и бумажные носовые платки. Только теперь Вика пожалела, что не взяла в дорогу продукты. Два яблока, банан, помятая пачка печенья «Любятово» и небольшая упаковка карамели – вот и все запасы. Без еды, без денег, без вещей. Совсем одна...

Поезд стоял, пропуская встречные эшелоны. Хотелось есть, но она Вика могла позволить себе истратить крохи еды из рюкзака. Соседки – женщина с девочкой – пересели поближе к столику, достали из корзины чёрный хлеб с салом и варёную картошку. Ели её, макая в соль и запивая молоком из бутылки. Вика отвернулась.

Валентина покопалась в сумке, зашуршала бумагой.

– Сынок, ты голодный? Возьми...

Серёжа взял бутерброд и стал жевать, катая грузовичок по стенке купе.

– Виктория, угощайтесь.

Вика увидела, что Валентина протягивает бутерброд с колбасой в бумажной салфетке, и пролепетала, краснея:

– Что вы, не надо! Я не голодна.

– Берите, пожалуйста, это не последнее.

Вика не стала ломаться, поблагодарила и начала есть. Ах, каким вкусным был этот бутерброд из куса белого хлеба и кружочка чайной колбасы!

Они разговорились. Валентина тоже ехала в Самару, и у Вики отлегло от сердца: всё-таки в городе она будет не одна.

– Вы к родственникам едете? – спросила Виктория.

– Нет, мы эвакуируемся с заводом. А вы? Тоже от организации?

– Нет, я сама по себе, так получилось, – призналась Вика и после недолгого молчания неожиданно добавила: – Чемодан у меня пропал...

Додумывая на ходу легенду, она рассказала, что во время бомбёжки потерялся чемодан с вещами, деньгами и документами.

– Как? Где потерялся? – ужаснулась Валентина.

– В другом вагоне. Я искала, его нигде нет.

Чемодан благополучно приехал в Самару, надо полагать. Мама, конечно, в панике: Вики нет, телефон молчит... Боже мой, бедная мама наверняка места себе не находит. Будет искать Вику среди отставших от поезда, потом в больницах и моргах. Потом заявление в полицию напишет, там дело заведут. И тогда какой-нибудь седовласый следователь выяснит, что пассажир в поезде сорвал стоп-кран, а после этого бесследно пропала другая пассажирка, Фомина Виктория Александровна, двадцати восьми лет...

Соседка Валентины прислушивалась к чужому разговору, испуганно моргая, потом не выдержала:

– Проводнику сказать надо про чемодан. Как же вы без документов?

– Ищи-свищи энтот чемодан, – хмыкнул дед с газетой. – Кто увёл, того уже нет!

– Всё равно надо сказать, пусть поищут.

– Сказать-то можно, а толку?

Он и мысли не допускал, что чемодан сам по себе потерялся.

Покопался в кармане и достал две мятые купюры по пять рублей.

– Эх, держи, девушка, вроде как милостынька тебе.

Вика вспыхнула, но не в её положении было отказываться.

– Спасибо.

Она никогда не видела таких старых денег и стала рассматривать серо-голубые банкноты с цифрой пять в гильоширной розетке, парашютиста на фоне самолёта.

– Первый раз деньги увидела? – мелко рассмеялся дед.

Вика опомнилась и спрятала «милостыньку» в карман куртки.

Куйбышев

Поезд едва волочился, часто и подолгу простаивал на разъездах, пропуская крытые брезентом платформы и санитарные поезда. Вика вспомнила, как сказала проводнице: «Спать я уже дома буду!» – и горько усмехнулась. Ехали двое суток.

Вагон отапливался маленькой печкой. Было холодно, по полу гуляли сквозняки. Виктория сидела с закрытыми глазами, подобрала ноги и закутавшись в тонкое одеяло.

«Это дурной сон, это не может быть правдой. Я сейчас проснусь и увижу своё купе», – подумала Вика и зажмурилась, сосчитала до десяти, медленно открыла глаза. С разочарованием увидела, что сон продолжается. Серёжа поглядывал на неё с любопытством, бросив игрушечный грузовик, Валентина дремала, привалившись спиной к стенке купе, старик с боковой полки пил чай, громко отхлёбывая из кружки, – он выходил на станции за кипятком.

– Давай кипяточку налью, у меня целый чайник. – предложил дед, заметив Викин взгляд.

Та покачала головой: наливать не во что. Валентина покопалась в сумке и протянула алюминиевую кружку.

– Вот, возьмите.

– Ещё кому надо? – спросил дед стал наливать кипяток в подставленные стаканы и кружки. – Сахару нету, жалко.

– У меня есть конфеты... – Вика достала из рюкзака несколько леденцов и угостила своих попутчиков.

Прихлёбывая из кружки, она снова задумалась.

«Вот так попала в историю... Зачем только пошла в этот вагон-ресторан? Сейчас бы уже лепила с мамой пельмени к празднику, салаттики бы крошила... В колонне бессмертного полка шла бы с портретом прадеда Ивана, телевизор смотрела. Эх... ладно, нечего себя жалеть – глаза и так на мокром месте. Только слёз сейчас не хватало...»

Вика сходилла в уборную, помыла кружку и отдала Валентине.

«Куда я еду и зачем? – вернулась она к размышлениям. – Никого в Самаре у меня нет, родных нет, дома тоже нет. Лучше уехать в Москву при первой возможности. Может, на том месте, где бомбили, какой-то портал, и я попаду в своё время?»

Поезд сбавил ход.

– Полчаса стоять будем! – объявил проводник.

Вика выглянула в окно. Рядом с длинным одноэтажным зданием с арочными окнами стоял деревянный навес, на крыше которого была прибита вывеска: «Горячие обеды». Рядом с прилавком толпился народ.

Пассажиры зашевелились, потянулись к дверям. Валентина тоже поднялась, взяла эмалированную мисочку и пошла с Серёжей к выходу.

Вика подседа к окну. Она видела пар, валивший от больших чёрных котлов, мелькающие в руках раздатчиц круглые половники. Неподалёку от навеса грелся большой бак, похожий на самовар, к нему подходили люди с чайниками, котелками и кружками, отворачивали краник и набирали кипятка. Вика догадалась, что это титан, хотя никогда раньше его не видела, а только читала.

Она давно была голодна. Валя по доброте своей предлагала то бутерброд, то варёную картофелину, Вика отговаривалась, что уже поела, купила на станции пирожок. Теперь она достала из рюкзака яблоко и стала есть, откусывая кусочки от красного бока.

Вернулась Валентина с мисочкой горохового пюре с маленькой тефтелькой и ломтиком ржаного хлеба, поставила на столик и сказала:

– Ешьте, пока горячее.

– Я не голодна, правда. Я на станции ела, – начала отнекиваться Вика.

От гороха шёл такой аппетитный запах, что у неё заурчало в животе.

– Виктория, вы никуда не ходили, я видела. Я вам предлагаю в долг, хорошо?

– Хорошо. Спасибо, Валя. Давайте уже на «ты»?

– Ничего не имею против, – улыбнулась Валентина.

Вика взяла ложку, стала медленно есть, сдерживаясь, чтобы не проглотить всё за секунду.

В Куйбышев приехали через два дня.

Товарные, пассажирские и санитарные поезда всё прибывали, перрон и привокзальная площадь кишели людьми как гражданскими, так и военными. Высоченной башни из стекла, с огромными залами и смотровой площадкой, конечно же, не было; на её месте стояло длинное величественное здание архитектора Рошфора. Вика с благоговением смотрела на изящную лепнину, арочные окна и бронзовые люстры. Какая же красота! Старый вокзал она почти не помнила, а вот таким видела его впервые. Очень захотелось сделать несколько снимков на смартфон, но об этом не стоило и мечтать. Плакаты со стен зданий призывали граждан быть бдительными: красная сильная рука перехватывала чёрную корявую вражью лапу. И народ бдел. Поэтому пусть телефон лежит и дальше в потайном кармане.

... Валентине дали ордер на вселение в коммунальную квартиру на втором этаже. Хозяйка кисло улыбнулась, принимая документ, пробежала глазами.

– Здесь указаны два человека, – заметила она.

– Сейчас уйду, я только помогла с вещами. – Вика указала на мешки и чемоданы.

Комнатка была маленькой, не развернёшься: окно с плотной светомаскировочной шторой, старый диван под пледом, двухдверчатый шкаф, маленький стол и сложенная раскладушка у стены; но имела большое преимущество в виде отдельного входа из общего коридора, в конце которого была большая кухня.

– Если не получится у тебя с жильём, то возвращайся сюда, – предложила Валя, – мы поместимся на диване, а Серёжа будет спать на раскладушке.

– А хозяйка что скажет? Вон как зыркнула.

– Да ничего не скажет, не на улице же тебе ночевать... Серёжа, чего приуныл? Распакуй чемодан. Сейчас устроимся и будем кашу варить.

Вика порезала банан и яблоко, разложила кружочки и дольки на тарелке. Надорвала упаковку с печеньем, прибавила несколько конфет к чаю.

Серёжа во все глаза смотрел на угощение.

– Я никогда не видел такое печенье. – Он погладил красно-жёлтую упаковку «Любятово» с колосьями. – Это заграничное, что ли?.. А это банан? А почему он жёлтый? Мама приносила бананы, но они были зелёные.

Бананы появились в СССР в тридцать восьмом году. Их закупили по распоряжению Сталина, которому очень понравился экзотический вкус. Бананы привозили незрелыми, чтобы те не испортились раньше времени, но даже такие зелёные плоды были дефицитом. Для съёмки фильма «Старик Хоттабыч» не нашли настоящих бананов, использовали муляж из папье-маше и окрасили ярко-зелёным: плодов другого цвета художники не знали.

– Тётя Вика, можно фантик от печенья взять?

– Конечно, – разрешила Вика и сняла обёртку. – А ты читать умеешь, Серёжа? Цифры понимаешь?

– Мы только буквы в школе учили, а потом в эвакуацию поехали. – Серёжка старательно выговаривал слово «эвакуация». – Мама сказала, что здесь я буду опять ходить в школу.

Ну и хорошо, ну и славно. Не будет дату изготовления разглядывать.

Пришла из кухни Валя с дымящейся кастрюлькой.

– Вот и каша... пшеничная с маслом. Вкусная! Керосинку надо будет купить. Хозяйка сказала, что свою давать не сможет.

Разлили жидкую кашу по тарелкам, нарезали горбушку хлеба на ломтики. Вика, избалованная деликатесами, готова была поклясться, что вкуснее этой каши ничего сроду не пробовала. Было неловко есть не свою еду, но она утешала себя, что на чужой шее никогда не сидела и сумеет отблагодарить.

Потом пили чай, экономно откусывая от печенья.

– На вокзал хочу сходить, – сказала Вика, отставив чашку, – я утром видела, как приехал санитарный поезд, медсёстры раненых принимали. Медики там нужны, я думаю. Хоть у меня паспорта нет, но всё же попробую.

– Кстати, про паспорт! – вспомнила Валя. – Завтра мы пойдём в милицию, я подам документы на прописку, а ты заявишь об утере. Тебе справку выдадут, а потом и паспорт после проверки сведений.

«Проверки сведений!» Этого Вика больше всего боялась.

– Простите, я могу видеть врача?

Медсестра в белом халате с завязками на спине внимательно и удивлённо посмотрела на Вику, задержав взгляд на куртке.

– Анна Ивановна в санпропускнике.

– А где найти пропускник?

– Вон там, куда носилки понесли... А вы из посольства? – полюбопытствовала медсестра.

«Почему из посольства?» – подумала Вика, а потом её осенило: одежда! Слишком заметная, привлекающая внимание.

Она прошла через полный людей коридор и тамбур, заглянула в кабинет и увидела двух женщин, которые осматривали раненого.

– Здоров, – сказала одна из них и сделала пометку в журнале, – отправляем в госпиталь.

– Анна Ивановна? – осмелилась подать голос Вика.

Молодая женщина лет тридцати обернулась. Её лицо закрывала марлевая повязка, но глаза были добрыми и спокойными – это Вику приободрило.

– Можно вас на минутку, я по важному делу.

Анна Ивановна вышла в коридор и прикрыла дверь в кабинет.

– Что вы хотели?

– Я ваша коллега, эвакуировалась из Москвы, – начала Вика.

– Из Кремлёвской больницы?

– Нет, не из больницы... Я сама по себе приехала, так сложились обстоятельства.

– Понимаю, – кивнула врач.

– Мне очень нужна работа. Я офтальмолог, но могу работать и медсестрой.

Анна Ивановна внимательно смотрела на Вику:

– Как вас зовут?

– Виктория.

– Хорошее имя у вас, победное. Что вы заканчивали?

– Сеченова, в тридцать седьмом. – Вика заранее посчитала и запомнила все даты.

– Медики нам, конечно, нужны. В этом санпропускнике осматриваем пока только раненых, но это надо делать с каждым, с каждым приезжающим в город. Участились случаи малярии, сыпного тифа, не говоря уже о кишечных инфекциях... иначе эпидемии не избежать. Вы меня понимаете?

– Вполне.

– Не хватает рук... Если вы согласны, я поставлю вас работать в санпропускнике с другими медиками.

– Конечно, согласна. Только... – приступила Виктория к самому трудному, – у меня нет документов: поезд попал под бомбёжку.

– Это сейчас не редкость, к сожалению. Восстанавливайте свои документы, потом принесёте. Мы сделаем запрос в Москву по вашему месту работы. Вы где живёте?

– Ещё нигде, я только приехала.

– А, вот как! Сходите в исполком. С жильём, правда, в городе плохо, очень большой поток людей. Но попробуйте... Маша, – позвала Анна Ивановна сестру, – запиши данные Виктории...

– Александровны.

– ...данные Виктории Александровны и дай ей халат. Мойте руки, принимайте следующего человека.

Медсестра с короткими косичками помогла завязать халат, подала полотенце. Вика послушно направилась к умывальнику, вымыла холодной водой руки.

Она присела на краешек кушетки и приступила к осмотру раненого, чувствуя себя, как на экзамене. Задавала вопросы и отмечала про себя, что Анна Ивановна одобрительно кивает, как учитель ученику, хорошо отвечающему урок.

– Подозрений на инфекции нет, – сказала Вика и поднялась с кушетки.

– Мне понравилось, как вы работаете. Это было профессионально, чётко, быстро. Вопросы грамотные, по делу, – похвалила Анна Ивановна.

– Спасибо.

– Завтра в вечернюю смену выходите. Да, вот ещё... если вам некуда идти... вот мой адрес. – Она быстро черкнула пару строк на клочке бумажки.

– Большое спасибо. Я думаю, что обойдусь, воспользуюсь в крайнем случае.

«Как много вокруг хороших людей! Или мне просто везёт?» – думала Вика, шагая от вокзала по улице Красноармейской. Торопиться было некуда, захотелось погулять по городу, помолодевшему на семьдесят шесть лет, привыкнуть к его новому виду.

С улиц исчезли светофоры, почти не было видно автомобилей, пропала надоевшая реклама, только ветер трепал края приклеенных на стенах агиток. Вика задержалась перед плакатом с суровой женщиной в красной косынке, приложившей палец к губам. Надпись предупреждала: «Не болтай!»

Супермаркеты с роскошными световыми вывесками уступили место скромным булочным, молочным и овощным магазинам. Не было на месте громадного дома со звездой в стиле сталинский ампир.

Вика прошла Шихобаловскую богадельню, в которой находилась школа-интернат (в будущем – приход и православная школа), остановилась перед огромным доходным домом Чельшева из красного кирпича, с балконами и эркерами. Дом вмещал общежитие, квартиры и конторы.

Было холодно, в воздухе вились редкие снежинки. Вике стало зябко в короткой куртке. Такие курточки мама называла поперденчиками: короткие, что не прикрывают... ну понятно что. Виктория присматривалась к людям, спешившим по своим делам: женщинам в пальто с цигейковыми воротниками, в ватниках и платках, очень скромно, даже бедно одетым мужчинам, детям.

Рядом с тротуаром притормозила машина, и из неё выпорхнула нарядная женщина в облегающем синем пальто, в кокетливой шляпке, из-под которой выбивались белокурые локоны. Пахло дорогими духами. Мазнув по Вике взглядом, красавица процокала каблучками по тротуару и скрылась в старинном особняке Курлиной. Перед зданием сияли чёрным лаком шикарные мерседесы с флажками на крыльях, а у дверей топтался милиционер.

«Посольство Швеции», – вспомнила Вика. Её внимание привлекла смятая серо-голубая бумажка, валявшаяся на тротуаре. Это оказалась пятирублёвая купюра с парашютистом.

– Снова милостынька, – прошептала Вика, – пятнадцать рублей, если с той десяткой.

Она не знала ценности денег. Сколько, например, стоит хлеб: пятьдесят копеек или пятьдесят рублей? И можно ли что-нибудь купить на пятнадцать рублей?

Хлебный магазин был заметен издали, возле него стояла толпа людей. Вика пристроилась в хвост очереди, засунула руки в рукава, сделав подобие муфты.

– Простите, сколько стоит хлеб? – спросила она у старой женщины в пуховом платке и ватнике.

Старушка зорко глянула на Вику, но не удивилась:

– Вакуированная? Оно и видно... Пятнадцать рублёв, по одной в руки дают, без карточек... С первого числа карточки будут. А на рынке триста рублёв буханочка – есть не захочешь!

Пятнадцать рублей – ровно столько и было. Вика отстояла длинную очередь, получила маленькую буханку чёрного пахучего хлеба, спрятала под куртку. Несла за пазухой как котёнка, как живое существо, чувствовала сытный запах, от которого кружилась голова. И почему раньше ей не нравился ржаной хлеб?

Вика ещё немного побродила по улицам, намёрзлась и решила вернуться в коммуналку к Валентине. Холод гнал, поторапливал, ноги сами несли к дому. Вика толкнула общую дверь в квартиру, прошла по коридору, заставленному корзинами, тазами, лыжами и ненужным хламом, и поскреблась в комнату Валентины.

– Кто там? – спросила Валя. – А, заходи.

Вика переступила порог и спросила шёпотом:

– А хозяйка не будет сердиться?

– Не будет. Я попросила за тебя, она разрешила недолго пожить, небескорыстно, правда. У её сына глаза болят. Посмотришь?

– Конечно, без вопросов... – Вика вытащила хлеб из-за пазухи, положила на стол и похвалилась: – Меня взяли на работу в санпропускник!

– Как хорошо! – всплеснула руками Валя.

– А знаешь, под чьим началом? Жуканиной Анны Ивановны. Я не сразу догадалась, что это она,

– А ты её знаешь?

– Знаю заочно. – Вика разделась и потёрла озябшие руки. – Я читала статьи, как в войну она работала в эпидемстанции. Во многом благодаря Жуканиной не случилось эпидемий. И этот санпропускник на вокзале она организовала. Чудесная женщина, а ведь молодая совсем!

– О какой войне ты говоришь? – Тёмные брови Валентины поползли вверх.

– Об этой, – смутилась Вика.

– А звучало, будто в прошедшем времени, – засомневалась Валя и вздохнула: – Это всё последствия контузии.

– Это я мечтаю, война кончится когда-нибудь, – нашлась Вика и поспешила перевести разговор в безопасное русло: – Серёжка, чай будем пить?

– Будем! А можно мне конфету?

Пили чай с хлебом, намазанным прозрачным слоем масла, с печеньем и карамельками.

– Я так не хотела уезжать из Москвы, – призналась Валя, – из-за Серёжки пришлось. Слух кто-то пустил, что немцев видели в городе. Может, просто слухи, я верить не хочу. Ты что-нибудь знаешь?

– Нет, ничего не помню. Расскажи.

– Шестнадцатого октября я собралась на работу. На заводе работаю в отделе контроля. Подхожу к метро, а там толпа. Все в панике: метро закрыто, трамваи не ходят, автобусы тоже... Мы пешком с сослуживицей пошли. Добрались – проходная закрыта, никого на территорию не

пускают. Говорят, домой идите, не работает завод, вам всё сообщат. Мы стоим в растерянности. Как так? Что теперь будет? Делать нечего, домой пошли. Тут вижу: ветер несёт какие-то обрывки бумаги прямо на меня, портрет чей-то разорванный. Поймала обрывок, а это портрет Сталина: его нос, усы, лоб с зачёсанными волосами. А на помойках горами красные книги, знаешь, эти ленинские сборники, «Истории партии». Люди испугались и стали выбрасывать. Вот тут мы и поняли, что немцы будут здесь не сегодня, так завтра. Чудовищно, просто невыносимо...

Валя замолчала, пытаясь справиться с волнением, потом продолжила:

– Страшно было... Своих бандитов не боялись, хотя их было, наверно, много. Мы слышали, что стали грабить закрытые магазины и склады. А вот немцев боялись, уже были наслышаны о зверствах. Нам с сотрудницей повезло: возле бакалейного магазина раздавали крупы и сахар, я получила по три кило пшеничной крупы и сахара, пуд муки. Это всё теперь пригодится... По шоссе шла толпа людей, как на демонстрации, только с чемоданами, мешками, узлами вместо флагов. А потом мне позвонили и предложили эвакуироваться с заводом в Куйбышев. Говорят, что и Сталин покинул Москву.

– Нет, он остался в столице. Сначала хотел уехать, но передумал, только дочь отправил в Куйбышев, – заверила Вика.

– Ты это точно знаешь? – просияла Валя.

– Абсолютно.

– Слава богу! – выдохнула она. – Теперь я знаю, что Москву мы отстоим.

– Это только так говорят, а никакого бога нет, – влез с замечанием Серёжа.

– Отстоим, я знаю. Верь мне. И до самого Берлина дойдём, и красный флаг будет развеваться над Рейхстагом.

– Ты так уверенно говоришь.

– Верь мне. Это точно, как завтра взойдёт солнце.

– Вика, а родители у тебя живы? – Валя отхлебнула остывший чай и отставила чашку в сторону.

– Отец умер три года назад, а мама... она далеко, в Ташкенте. – Вике почему-то пришёл в голову Ташкент.

– Ты получаешь от неё известия?

– Нет.

– Не переживай, с твоей мамой всё хорошо, – поспешила успокоить Валя. – Ты сама напиши ей до востребования или телеграмму отправь.

Если бы можно было! Но как? Написать на конверте: «Вручить адресату в мае 2017 года?» Бред же... хотя...

Вика задумалась, потом взяла карандаш, бумагу и начала писать: «Мамулечка! Если ты читаешь это письмо, значит, задуманное у меня получилось. Я жива и здорова и очень надеюсь, что вернусь домой...»

Крестик

Очередь в милицию начиналась от кабинета и заканчивалась на широком крыльце здания. Те, кто заявлял о потере паспорта, отправлялись к молодой женщине в синей форме и берете. Документы на прописку принимала другая, постарше, поэтому очередь продвигалась довольно быстро.

Вика нервничала, стискивала кулачки. Валя удивлённо поглядывала, но не приставала с расспросами.

– Фамилия, имя, отчество, дата рождения? – протараторила милиционерша.

– Фомина Виктория Александровна, – сказала Вика. День и месяц рождения (десятое мая) она назвала подлинные, чтобы не запутаться.

– Когда и где утерян паспорт?.. Где бомбили, возле Москвы?

Милиционерша записала все данные, обстоятельства утери документов и заверила, что после тщательной проверки Виктория получит новый паспорт, а пока – временную справку.

«На что я надеюсь? – думала Вика дорогой. – Сделают запрос, и выяснится, что никакой Виктории Фоминой тысяча девятьсот тринадцатого года рождения не существует. И что потом?.. Лучше не думать. Ах, если бы вернуться домой! Как так вышло, что я попала сюда? Угодила в какой-то портал, или что там бывает? Если так, то выход должен быть там же, где и вход...»

– Ты чего пригорюнилась? – тронула её за руку Валентина.

– Да так, задумалась... Валя, мне надо на рынок.

Продать крестик с цепочкой Виктория решила ещё вчера: денег не было ни копейки. Надо купить продукты, бельё и кое-что из одежды; мыло, зубной порошок, щётку... А зарплата будет только через месяц, этот месяц надо как-то жить. Висеть на Валиной шее было совестно. Очень жаль крестик, но больше ничего ценного у Вики не было.

– Зачем тебе на рынок? – удивилась Валя.

– Хочу продать крестик, деньги нужны.

– Покажи крестик.

Вика сняла витую цепочку. Крестик был тонкой работы, с фигуркой распятого Христа со склонённой головой, увенчанной терновым венцом.

– Это дорогая вещь, – оценила Валя. – Ты что, верующая?

– Это мамин подарок.

– Тогда он дорог вдвойне. Зачем тебе продавать? Мы обойдёмся, продукты есть и деньги тоже.

Вика улыбнулась и сказала мягко:

– Валечка, спасибо, но я так не могу. Все мои вещи пропали, у меня даже сменного белья нет.

– Тогда я с тобой пойду, знаешь сколько жулья на рынке? Цепочку продай, а крестик оставь, раз он тебе дорог. Его на шнурке носить можно.

Вика сняла крестик с цепочки и убрала в карман куртки, застегнула на кнопку, чтобы не потерять.

Старейший Троицкий рынок в Самаре имел давнюю историю. Когда-то на площади возвышалась церковь Святой Троицы, с садом, с городскими часами на колокольне. Было своё «лобное место» с помостом и столбом, где наказывали плетью преступников; обжорные ряды,

каменный торговый корпус и Гостиный двор. Шумно, людно... По рынку ходили торговцы квасом, сбитнем, мороженым в деревянной лохани. И продавали пирожки с разными начинками, в том числе самарские пирожки с картошкой. Как бы Вике сейчас хотелось съесть такой пирожок!

Они с Валентиной прошли к рядам, посмотрели, что и почём продают.

– Четыре тысячи проси, – учила Валя, – вещь дорогая, вон какая цепочка толстая. Даже четыре с половиной проси – это не много.

Вика пристроилась рядом с женщиной с кирзовыми сапогами под мышкой, повесила цепочку на ладони.

Сначала к ним никто не подходил. Редкие прохожие цепляли украшение взглядом и шли мимо. Виктория начала волноваться: а вдруг никто не купит?

Тот мужчина в шапке-ушанке появился неожиданно, будто вырос из-под земли. Достал из кармана лупу и стал рассматривать цепочку, прищурив один глаз.

– Сколько?

– Четыре с половиной, – быстро сказала Валентина.

Глаза у мужика стали круглыми, как пуговицы.

– Вы чего, девки, очумели?

– Чего – «очумели»? Булка хлеба на рынке стоит триста рублей! – отбрила Валя.

Покупатель проворчал что-то и отошёл. Вика проводила взглядом его сутулую широкую спину.

– Может, меньше надо было просить?

– Это он цену сбивает, – повела красивыми глазами Валя. – Сейчас вернётся, вот увидишь.

Подошла нарядно одетая женщина в меховой шубке, тронула цепочку маленькой рукой, обтянутой перчаткой, ахнула:

– Какая красота! Сколько же это стоит?

– Продано уже, дамочка, проходите, – раздался над ухом знакомый басок.

Мужчина в ушанке протянул Валентине деньги. Та быстро пересчитала, кивнула. Вика подумала, что её было проще простого обмануть с деньгами, ведь она не разбирается в купюрах. Печальным взглядом проводила цепочку и сказала с напускной бодростью:

– А теперь мы купим пирожки с картошкой. Сто лет их не ела!

И потащила Валю к продуктовым рядам.

Вика стянула джинсы и майку и надела голубой спортивный костюм с двумя рядами синих полос на штанинах, рукавах и груди.

Медсестра Маша уставилась на обновку:

– Где вы такое купили, Виктория Александровна?

– Тебе нравится?

– Да, очень.

Получив деньги за цепочку, Вика с Валею обошли весь рынок в поисках джемпера и чего-нибудь тёплого на ноги. Шерстяных колгот, разумеется, не было; хлопчатобумажные чулки с поясом и резинками показались Вике просто ужасными, к тому же непрактичными – как такое можно носить? Она заметила лежащие на прилавке толстовки и трико нежно-голубого цвета. На ощупь плотные, мягкие – именно это и надо.

– Сколько стоит? – поинтересовалась Вика.

– Это же мужские кальсоны! – потянула её назад Валентина. – Ты что, не знала?

Откуда ей было знать? Зато эти кальсоны и фуфайка – так назывался верх – очень напоминали современные спортивные брюки и толстовку, надо было их только чуточку изменить, добавить декора.

Вика купила самый маленький комплект, дома колдовала над ним, подгоняя по фигуре, пришила два ряда тесьмы. И вот пришла на работу в новом костюме.

– Мне очень нравится, – восторгалась Маша, – это вы из Москвы привезли?

– Нет, это моё ноу-хау.

– Чего-о-о? – расширила чёрные глаза медсестра.

Её короткие косички с ленточками топорщились из-под косынки, придавая Маше смешной, детский вид. Как всё-таки отличаются девушки сороковых от Викиных современниц! Невозможно представить себе девятнадцатилетних девиц с косичками и ленточками.

– Ну... изобретение, – поправила Вика.

– Ой, Виктория Александровна, вам так идёт! А как бы мне изобрести такое же?

– Не вопрос, я помогу.

– Не вопрос... – зачарованно повторила Маша.

Вика вторую неделю работала в санпропускнике. Жуканина не заговаривала о запросе по месту работы, и Виктория тоже молчала: не буди лихо, пока оно тихо. Работать приходилось по десять-двенадцать часов, к концу дежурства у неё начинала кружиться голова.

«Это последствия сотрясения мне аукаются», – думалось Вике. Полежать бы в тепле, покое, вытянув ноги, унять эту вертящуюся карусель перед глазами. Но надо было отоваривать свои и Валины карточки (с первого ноября ввели карточную систему), выстаивая длинные очереди за хлебом, крупами, маслом...

Хлеб выпекали только ржаной, но и ему были рады, лишь бы вволю поесть этого хлеба! Они с Валентиной получали по шестьсот граммов, на Серёжку полагалось четыреста. Был запас муки, сахара и крупы, привезённый Валею ещё из Москвы. Вике посчастливилось отоварить карточки на жиры сухим молоком, и она пекли на примусе тонкие блинчики.

Валентина ездила на работу на станцию Безымянка, на шарикоподшипниковый завод. Она вставала чуть свет, наскоро завтракала и спешила на поезд: другой транспорт туда не ходил. В ноябре ударили сильные морозы. Валя возвращалась домой замёрзшая и смертельно усталая. Выпивала чашку горячего чая и только потом раздевалась.

Однажды квартирная хозяйка позвала Вику к себе (это случилось дней через пять после приезда).

«Сейчас скажет, что пора и честь знать», – тоскливо подумала она, глядя поверх рыжей причёски.

– Виктория, вы уже нашли жильё? – Нина Петровна села и закинула ногу на ногу.

– Да, нашла. Меня коллега приглашала жить к себе. Я сегодня же...

– Не надо, – перебила хозяйка, – я хотела предложить вам остаться... за небольшую плату. Они считают, что комната в десять квадратов слишком велика для одной женщины с ребёнком. Хотят подселить ещё одну эвакуированную. Я подумала: если вы уже живёте, то зачем выгонять и брать другую? Живите... Я много не попрошу – двести рублей всего лишь.

«Нина Петровна своего не упустит. Я понимаю: двое детей, а сейчас деньги лишними не бывают», – подумала Вика.

По военным меркам хозяйка жила неплохо: её свёкры держали корову, кур и приносили внукам молоко, творог и яйца, а излишки продавали на рынке. Молоко было нарасхват, за ним сразу же выстраивалась длинная очередь.

– Хорошо, я согласна, – сказала Вика, прикинув, что Нине Петровне можно отдавать пособие, которое платили всем эвакуированным.

Большая коммуналка принадлежала раньше богатой самарской семье. В квартире было пять комнат, не считая каморки для прислуги и гардеробной; большая кухня, где командовала

раскрасневшаяся от печного жара кухарка, тёплая ванная и туалет. Вика представляла, как по комнатам бегают мальчик в бархатной курточке и розовощёкая девочка в кружевном платье и с пышным бантом в волосах. Мимо кабинета отца дети проскальзывали на цыпочках, шикая друг на друга: «Тихо, папу нельзя беспокоить!» Томная барыня в пеньюаре смотрела в эти самые окна...

Теперь в квартире ютилось несколько семей. Вика наблюдала за шумной жизнью коммуналки, в которой оказалась впервые, и ей пришло на ум, что семьи похожи на мирные независимые государства, иногда вступающие в конфронтацию.

Валина хозяйка с мужем и сыновьями до войны занимала приличную площадь – две комнаты. Осенью мужа мобилизовали на фронт, а Нине Петровне велели срочно освободить маленькую комнату для эвакуированных.

Рядом жила самая молодая и самая беспечная жиличка по имени Людмила, которую все звали Лялечкой. Ляля работала официанткой в ресторане, на работу и с работы её возил на машине полноватый интендант.

Две смежных комнаты напротив (бывшие детские) принадлежали семье Николая Свинухова с двумя детьми. На фронт Николая не взяли из-за слабого здоровья. Они с женой работали где-то в бухгалтерии.

Жильцов в коммунальной квартире всё прибавлялось. К Свинуховым подселили молодую женщину Аллу с грудным младенцем месяцев трёх-четырёх. Ребёнок плакал ночами, и Свинуховы ворчали, не скрывая раздражения, что не высыпаятся. В туалет или кухню Алла пробиралась через хозяйскую комнату, терпела косые взгляды: лишней раз не высунешь носа за порог. Когда уходила в магазин или на рынок, то брала младенца с собой, закутав в толстое одеяло.

Недовольные уплотнением хозяева ругали правительство, правда, сдержанно. Нервозности добавляли тревожные вести Юрия Левитана. И каждое утро по радио звучала песня:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.*

7 ноября

Приближалось 7 ноября. К этому дню в Куйбышеве в строгой секретности готовился военный парад к годовщине Революции, который должен был показать союзникам и противникам СССР военную мощь страны. Вике очень хотелось побывать на этом параде, посмотреть своими глазами на историческое событие, но увы: она работала в утреннюю смену, принимала раненых с санитарного поезда.

Зато воздушную часть парада могли видеть все желающие. Бомбардировщики, истребители и штурмовики прошли над площадью Куйбышева на разной высоте. Вика была в восторге, хотя из-за плохой погоды лётчики не выполняли сложных пилотажных фигур. Бесконечные эшелоны самолётов... их просто невозможно было сосчитать. Кто сказал, что в СССР нет самолётов? Вот вам!

Маша грызла сушку и восторгалась:

– А вы видели, Виктория Александровна, как низко самолёты пролетели? Я так испугалась! Думала, крышу снесут.

– Маша, почему ты опять ешь в помещении? Я сто раз говорила, что этого делать нельзя – кругом инфекция! – напустилась на медсестру Вика. – Только отправили раненого с гепатитом! Руки, руки обрабатывать! И кушетку тоже!

– Ой, простите, я забыла... Есть очень хочется. – Маша спрятала сушку в карман.

«Набрали девочек после трёхмесячных курсов, – ворчливо подумала Вика, – какие это медики? Так... одно название».

– В магазинах на мясные карточки суфле дают, – вспомнила Маша, – вы бидончик взяли, Виктория Александровна?

– Что за суфле?

Воображение тотчас нарисовало торт «Птичье молоко», нежный и воздушный, тёмный от шоколадной глазури. Но военное суфле – это что-то другое.

– А вы не знаете? Это такой сладкий напиток из сои. Вкусный!

Что ж, суфле так суфле. Мясные талоны редко удавалось отоварить, а если удавалось, то почти всегда это была конина. И со всеми карточками такая история: продуктов мало, положенную норму они с Валеёй ещё ни разу не получили.

Суфле! Теперь Вика вспомнила, откуда она слышала про это – из блокадных дневников. Суррогат из сои, крахмала и сахара, который упоминался в блокадных книгах и дневниках, наряду с дурандой, шротом и хряпой.

Невольно подумалось о Ленинграде. Там уже начался голод, нормы хлеба сокращали трижды. Она, как никто другой, знала, что ждёт ленинградцев, и не могла сдержать слёз. Трагедия целой страны, целого народа!

Отстояв очередь за суфле и хлебом, Вика вернулась домой. Из кухни, заглушая шипение примусов, доносились женские голоса с нотками истерики – переругивались две соседки.

– Утром три картофелины на столе оставила, прихожу – нету! – возмущалась Клавдия Семёновна, соседка из крайней комнаты.

– Клавдия Семёновна, таки на что вы намекаете? Столько народу в квартире, а вы у меня интересуетесь за свою картошку, – вразумляла Зинаида Кузьминична.

– Таки интересуюсь, – задыхалась от ехидства Клавдия, – никто не заходил на кухню, кроме вас!

Виктория подавила смешок, повесила куртку на вешалку и вошла в свою комнату.

Серёжа за маленьким столом разложил чернильницу и тетрадь и старательно выводил пером буквы. Увидел Вику и с удовольствием отложил ручку.

– А я уроки делаю! К вам из милиции приходили... Ужинать будем? А то я выйти боюсь: там тётя Клава и тётя Зина ругаются.

– Стоп-стоп. Кто приходил из милиции?

– Тётя какая-то. Она повестку оставила.

У Вики упало сердце. Вот оно, началось...

Пробежала глазами повестку:

– А ещё что-нибудь тётя говорила?

– Нет.

Вернётся ли она завтра из милиции или навсегда сгинет в застенках НКВД? Хотя тогда не повесткой бы вызвали. Но всё-таки надо поговорить с Валентиной.

Вика разогрела чечевичный суп на примусе, нарезала хлеб маленькими кусочками, разлила по чашкам суфле. Принюхалась, попробовала. Суфле напоминало йогурт или молочный кисель – не так уж и плохо.

Пришла с работы Валя. Пока она ела суп и пила чай, грея о чашку озябшие руки, Вика всё поглядывала на её спину с тёмной толстой косой, не решаясь начать разговор. Потом достала из рюкзака подписанный конверт, повертела в руках.

– Валя, у меня к тебе просьба... необычная просьба.

– Какая? – У Валентины раскраснелось лицо от тепла и горячего чая, глаза заблестели.

– Надо будет отправить письмо.

– Всего-то? Давай письмо.

– Его надо отправить в две тысячи семнадцатом году, в начале мая. Я здесь подписала для памяти. И конверт надо будет другой, этот уже не подойдёт.

Валя ничего не ответила, её красивое лицо напряглось.

– Тебе это покажется странным, но так надо. Именно в начале мая, именно в две тысячи семнадцатом.

– Через семьдесят шесть лет? – Валентина закусил губу.

– Ты можешь не дожить до этой даты, я понимаю, – торопилась Вика, – Серёжка, возможно, доживёт. Но если нет, то доживут его дети – твои внуки.

– Бедная моя Виктория, это всё контузия. Тебе надо в больницу...

– Да не контузия! – Вика в волнении заходила по комнате. – Я могу не вернуться завтра из милиции, а это письмо очень важно. Есть один человек, который ждёт его.

– Через семьдесят шесть лет? Сядь, успокойся, – уговаривала Валентина. – Почему ты не вернёшься из милиции? Тебя просто пригласили за паспортом.

– Может, за паспортом, но я не уверена.

Серёжа молча наблюдал, потом подошёл и взял конверт из Викиных рук.

– Чего вы спорите? Я отправлю письмо. Честное слово, обещаю. Я буду жить долго, до ста лет. У нас, у Орловых, все долго живут.

– Спасибо, ты меня очень выручишь, – с чувством сказала Вика.

Валя хотела что-то возразить, но Серёжка перебил:

– Мама, как ты не поймёшь: тётя Вика хочет отправить письмо потомкам. Я сохраню и отправлю – я обещал.

Валентина заснула мгновенно, как засыпает очень усталый человек. Серёжка тихонько посапывал на раскладушке. Вика встала, прошла в темноте на цыпочках по холодному полу к своему рюкзаку. Расстегнула потайной карман, где лежали спрятанные вещи, нащупала гладкий и холодный корпус телефона.

Она опустила светомаскировочную штору, чтобы свет от экрана не был виден с улицы, и вернулась на диван. Смартфон засиял ярким прямоугольником, мелькнуло приветствие. Так странно было видеть в этой крошечной комнате с примусом и керосиновой лампой (электричество часто отключали, а если оно было, то лампочка едва светила) это чудо техники – смартфон.

Вика открыла фотографии. Их было много: с родителями в Самаре, с однокурсниками, с коллегами-врачами, с подругой Наташей... Фотки на Арбате, на Красной площади, в Сочи, где она отдыхала в прошлом году.

А вот снимки в кафе с Максимом. Подумать только, Вика хотела создать с ним семью, иметь от него детей... Не получилось: слишком много хорошеньких медсестёр крутилось вокруг него, молодого врача. Она не собиралась шпионить и подсматривать, но случайно увидела в телефоне всплывающее сообщение с кучей сердечек и поцелуйчиков от какого-то Котёнка.

Как Максим тогда занервничал! Сначала отпирался, потом стал кричать, что Вику очень удивило: ведь он всегда был таким сдержанным, добродушно-насмешливым.

– Ты глупенькая, придумала себе сказку про большую любовь на всю жизнь, а так не бывает! Единственная может быть и не одна, понимаешь?!

Вика понимала. Представила, как будет поджидать его вечерами, стоя у окна с ребёнком на руках, звонить на мобильный и слышать, что абонент недоступен, очень занят абонент очередной пассией.

Рассталась она с Максимом легко, поблагодарила судьбу за того Котёнка. «Уж лучше одиноким быть, чем жар души «кому-нибудь» дарить...»

Поджав озябшие ноги, Вика листала фотографии. Вот селфи из поезда, почти перед тем, как её выкинуло в прошлое. На фото она улыбается накрашенными губами, толстовка с британским флагом обтягивает грудь...

А это что? Вика провела пальцами по экрану, увеличила снимок и увидела в небе, за окном поезда, старый немецкий самолёт. Откуда он взялся? Не дыша, она максимально увеличила крыло... На нём виднелся фашистский крест, хоть и нечёткий, но всё-таки можно разобрать.

Серёжа пошевелился, скрипнула раскладушка. Вика быстро выключила телефон, сунула в потайной карман рюкзака.

Она лежала без сна на диване, глядя в темноту. Выходит, поезд попал во временную дыру, иначе никак не объяснить немецкий самолёт на снимке. Поезд выскочил, а Вика почему-то осталась. Видимо, оказалась в нужном месте в нужный момент. Почему она?... Да что рассуждать... так случилось, и точка. Это судьба.

Вика повернулась на бок, укрылась с головой одеялом, оставив маленькую щёлку для дыхания. Тикали ходики, отсчитывая минуты, а ей всё не спалось. Лишь под утро провалилась не в сон, а какую-то тревожную дрёму.

Проснулась она поздно, Вали и Серёжки дома не было. Из-за опущенной светомаскировки в комнате был полумрак. Вика подняла штору и зажмурилась от яркого солнечного света – день обещал быть хорошим.

В их коммунальной квартире имелась общая ванная с дровяным титаном. Вика решила помыться: если не отпустят, то такой возможности долго не будет. Она заперлась на крючок, отвернула кран: вода была ещё тёплой. Вымылась с душистым земляничным мылом, купленным на рынке. С полотенцем на голове, чувствуя в теле приятную лёгкость, Вика прошла на кухню.

Большая коммунальная кухня была сейчас пуста – редкое явление! Вика согрела воду и с кипящим чайником вернулась к себе в комнату, налила чаю. Внезапно пришла в голову

мысль, что её могут обыскать и найти в кармане рюкзака телефон, паспорт и деньги. Всё это надо оставить дома, нельзя брать с собой.

Вика завернула в кухонное полотенце весь компромат, положила сверху записку, засунула на самое дно выдвижного ящика в шкафу и привалила сверху вещами. Если вернётся, то снова спрячет в рюкзак, а если нет, то свёрток рано или поздно найдут.

В указанный в повестке кабинет была небольшая очередь. Вика присела на скамью, пристроила на коленях рюкзак. В волнении всё теребила лямки и так сильно стискивала кулачки, что ногти впивались в ладони.

Подошла её очередь. Вика из вежливости постучала и открыла дверь.

В кабинете было пусто, сыро и холодно. Голые стены без портретов вождей, обшарпанный стол, неуклюжий металлический сейф и несколько табуретов. Пожилой капитан в накинутой на плечи шинели молча указал на стул. Вика осторожно присела на краешек, протянула повестку.

– Так... Гражданка Фомина Виктория Александровна?

– Да... – Она сцепила в замок холодные руки.

– Вы подавали заявление об утере паспорта?

– Да...

– Такое получается дело... Сведений о вас в Москве мы не нашли. – Капитан машинально постукивал о стол кончиком карандаша.

Ну вот и всё. Это конец. Вика молчала – сказать было нечего.

– Учитывая, что Москву бомбят, архивы перенесли... Вероятно, документов не нашли из-за всей этой военной неразберихи, поэтому паспорт вам выпишут.

– Как? Правда?

– Да. Вам скажут, когда будет готов документ, – ответил капитан, вертя в руках карандаш. У вас есть фото на паспорт?

– Нет, но я сделаю... Можно идти?

– Конечно, идите.

– До свидания.

Очень хотелось сказать «прощайте», но Вика не посмела. На слабых ногах она направилась к выходу, постояла немного на крыльце, держась за перила и дыша морозным воздухом. Повезло, просто сказочно повезло. Она спросила время у проходившего мимо лейтенанта. Оказалось, что возвращаться домой не было смысла, лучше сразу ехать на работу.

Вика осторожно, стараясь не упасть, шла по скользкому тротуару. Позади слышались быстрые шаги и женские голоса. Она посторонилась, уступила дорогу женщинам, которые торопились к магазину, – верный признак того, что дают продукты по карточкам, может быть, даже масло или мясо. Вика тоже прибавила шаг.

У прилавка стояли человек десять-пятнадцать – совсем не много по военному времени, – видно, товар только привезли. По карточкам давали макароны. Длинные тёмные трубочки, не очень хорошего качества, но всё-таки это были настоящие макароны! Карточки, к счастью, были у Вики с собой.

«Не посадили в тюрьму, купила макароны – и я уже счастлива, – думала она дорогой. – Почему раньше для счастья надо было много-много всего, листа бы не хватило, чтобы записать все желания, а сейчас всё по-другому... А самое главное желание только одно – вернуться домой».

Мадонна

В комнате у подселённой Аллы второй день заходился в крике ребёнок. Было слышно, как она укачивала его, что-то напевая, ребёнок хныкал, затихал на несколько минут, чтобы потом закричать с удвоенной силой.

«Заболел, что ли?» – подумала Вика.

Она варила суп на примусе в большой коммунальной кухне. В окно лился солнечный свет, от стены до стены была протянута бельевая верёвка с висевшими пелёнками; стояли несколько столов с керосинками, деревянный резной буфет, принадлежащий Зинаиде Кузьминичне, висели крашенные посудные шкафчики.

В бульон с маленьким кусочком мяса Вика добавила лук и картошку, промыла и высыпала перловку. Кинула лавровый листик для запаха, попробовала – суп получился ароматным и вкусным. Почему здесь всё кажется таким вкусным? Совсем недавно она морщилась от ресторанного супа с неправильно приготовленным яйцом пашот.

Вошла Алла, маленькая и бледная девушка с коротко стриженными волосами, с грустными глазами на пол-лица. Налила воды в чайник, поставила на хозяйский примус.

– Здравствуй, Аллочка. У тебя сынишка болеет?

– Это дочь, Катя, – с тихой улыбкой ответила она и вдруг пошатнулась, схватилась руками за край стола. Глаза закатились, она стала медленно оседать на пол, Вика едва успела подхватить и усадить Аллу на табурет.

– Голову вниз, ещё ниже... Не бойся, это чтобы кровь прилила... лучше?

– Да...

Вика сбегала в комнату за кусочком сахара, бросила его в чашку с жидким чаем:

– Держи, пей понемногу. Вот так...

Алла начала медленно пить, пальцы её слегка дрожали.

– Что случилось? – заглянула в глаза Вика.

Алла отставила чашку и расплакалась, закрыв руками лицо:

– Карточки потеряла...

При потере или краже новые карточки не выдавались, об этом постоянно предупреждали. Заикаясь и плача, Алла рассказала, что стояла в очереди за овощами, там то ли потеряла, то ли у неё украли карточки из кармана. Дома ещё оставалось немного хлеба и гороха, она ела по чуть-чуть. На рынке купила стакан пшена за двадцать пять рублей, варила жидкую кашу. Потом кончились и деньги.

– Сколько ты голодаешь?

– Три дня, – призналась Алла. – Я пила много воды, чтобы молоко было, но дочь не наедается и всё время плачет.

Вика взяла тарелку, налила супа до краёв, отрезала кусочек ржаного хлеба:

– Ешь.

Алла начала медленно есть, тщательно прожёвывая крупинки перловки и откусывая от хлеба маленькие кусочки.

«На дворе середина ноября, две недели ей надо как-то протянуть без карточек, – размышляла Вика. – На рынке продаются продукты, но цены безбожные, выше магазинных в несколько раз».

Аллочка поела, смущённо поблагодарила и ушла кормить дочку. Крик за стенкой сразу стих.

Вечером пришла с работы озябшая и усталая Валентина, взяла чашку горячего чая.

– Алла карточки потеряла. Три дня голодает, одну воду пьёт, – начала Вика и рассказала, как соседка едва не упала в обморок на кухне.

– А ведь она кормящая мать... И молчит! У нас есть что-нибудь?
– Супу налила. Что делать с этой мадонной, ума не приложу.
– Почему «мадонной»? – подняла глаза Валя.
– Есть такая книга, «Мадонна с пайковым хлебом» называется.
– Не читала. Ладно, подкормим уж как-нибудь нашу мадонну. Не помирять же ей с ребёнком в самом деле. – Валентина сняла шапку и расстегнула пальто. – Наконец-то согрелась.

Вика поцеловала подругу в щёку:

– Я знала, что ты не откажешь.

Собираясь на работу, она неожиданно поняла, что сказала лишнего: повесть «Мадонна с пайковым хлебом» была написана в конце восьмидесятых, а опубликована в девяностом году.

«Расслабилась, не слежу за речью. Прошлый раз упомянула про Интернет, пришлось придумывать на ходу, будто это газета».

Вика вышла на стылую, всю покрытую инеем улицу. Если и дальше морозы будут крепчать, – а она знала, что будут, – то в курточке не побегаешь. На деньги от проданной цепочки надо купить тулуп или ватник. Лучше ватник – он дешевле. И тёплый платок на голову.

Вика представила себя в ватнике, платке и валенках с галошами и рассмеялась.

Аллочка, «взятая на довольствие», как шутила Валя, почти не выходила из своей комнаты, сидела тихо, как мышка. Вика решила рассказать о потерянных карточках соседкам. Те посочувствовали, поахали, покачали головами, посоветовали Алле всё же попытаться получить новые талоны вместо потерянных: авось кормящей матери будет снисхождение. Та попыталась, но карточек ей не дали. Зинаида выделила голодающей стакан чечевицы и горбушку хлеба, и Валина хозяйка насыпала миску овсяной муки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.